

ОБЩЕСТВО. НАУКА.
ОБРАЗОВАНИЕУДК 81:1
DOI 10.20339/AM.03-24.075**В.Н. Базылев,**
д-р филол. наук, профессор
Инновационный научно-образовательный
и издательский центр «АЛМАВЕСТ»
e-mail: v-bazylev@inbox.ruЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ, ИЛИ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

В статье изложены результаты анализа отечественных парадигм философии языка второй половины XX – начала XXI в. Показаны процессы их последовательной конструкции и деконструкции от «нового учения о языке» (1923–1950) до межпарадигмального периода (1950–1956), «нового марксистского языкознания» (1957–1993) и постпарадигмального периода (конец 90-х годов XX – первая четверть XXI в.). Науку подталкивает вперед не только открытие новых фактов, но и новый взгляд на старые факты. Философские, политические и национально-языковые проблемы, с которыми столкнулись советская и постсоветская власть и наука в XX в., описаны в связи с различными сторонами жизни государства, прежде всего с языковой политикой. Обращение к истории философии языка в России призвано помочь осознать внутреннюю логику и преемственность развития современной языковой политической культуры страны.

Ключевые слова: историография науки о языке, новое учение о языке, новое марксистское языкознание, конструирование парадигмы, деконструкция парадигмы.

STAGES OF THE GREAT JOURNEY OR THE RUSSIAN PHILOSOPHY
OF LANGUAGE OF THE SECOND HALF OF THE 20th – EARLY 21st
CENTURIES

Vladimir N. Bazylev, Dr. Sci. (Philology), Academic Adviser, Innovative research, educational and publishing center “ALMAVEST”, e-mail: v-bazylev@inbox.ru

The article presents the results of the analysis of domestic paradigms of the philosophy of language of the second half of the twentieth – early 21st century. The processes of sequential construction and deconstruction of a series of domestic paradigms of the twentieth century are shown – the ‘new doctrine of language’ (Japhetic theory) (1923–1950), the inter-paradigm period (1950–1956), the ‘new Marxist linguistics’ (1957–1993) and the post-paradigm period (the end of the 90s of the twentieth century – the first quarter of the XXI century). Science is pushed forward not only by the discovery of new facts, but also a new look at old facts. The philosophical, political, national and linguistic problems faced by the government and scientific processes in the twentieth century are described in connection with various aspects of the life of Soviet and post-Soviet society, primarily with language policy. The appeal to the history of the philosophy of language in Russia is intended to help realize the internal logic and continuity of the development of the modern linguistic political culture of the country.

Keywords: historiography of the science of language, new doctrine of language, new Marxist linguistics, paradigm construction, paradigm deconstruction

Введение

Языковеды в России всегда претендовали на разработку не только проблем языка, но и коренных философских вопросов. По словам Н.И. Безлепкина, «пре-

вращению слова в базовый элемент русской философии способствовала его особая роль на различных этапах истории и культуры страны, начиная с грамматических споров первой трети XIX в., через славянофильство Аксакова и Некрасова до онтологии Флоренского, Булгакова

и Лосева» [2. С. 7]. От себя добавим: и далее, уже на протяжении XX в. — до «нового учения о языке» и «нового марксистского языкознания».

Изучение логико-гносеологических связей языка и мышления, а тем самым активной роли языка в процессе познания считалось не только вопросом философии, но и вопросом языковедения. Дело в том, что формирование сущности человека связано с языком. Поэтому язык, как рассуждали филологи, следовало рассматривать в многослойности его социальных отношений. Это в свою очередь предполагало историческую и материалистическую точку зрения в исследовании взаимоотношения человека, общества и языка. При всех «колебаниях вместе с линией партии» советские языковеды и философы не преуменьшали значение собственных законов функционирования языка в обществе, но и не отказывались от модели непосредственной (как это было в парадигме «нового учения о языке» 20–30-х гг. XX в.) или опосредованной (как в парадигме «нового марксистского языкознания» 60–80-х гг. XX в.) зависимости между развитием языка и развитием производительных сил и производственных отношений.

Исследование взаимосвязей языка и общества, языка и мышления — всё это составляет предмет логико-гносеологических поисков. Обращение философии к вопросам языка, а языкознания к философским вопросам изначально образует фундамент отечественной философии языка, направленной на изучение взаимоотношений между языком и развитием общественной жизни. Как считал Г.Г. Почепцов, своеобразие подобного лингвофилософского мышления было обусловлено одной важной его составляющей — государством. «Для России это был в достаточной степени серьезный параметр, который активно боролся со своей естественной средой, вводя в нее ту или иную системность. Очень часто эта системность носила языковой характер» [17. С. 62].

Название предлагаемой статьи — это аллюзия на документальный фильм 1959 г.¹, рассказывающий о событиях страны за период с XX по XXI съезд КПСС, т.е. 1956–1959 гг. Та эпоха соединила в себе результаты предшествующего исторического развития общества и задала направления его последующего существования. По словам Натана Эйдельмана², «это было время торопливых реформ, шахраний из стороны в сторону во всех сферах экономиче-

ской, социальной и культурной жизни; время проб и ошибок, инициатив, зачастую удушаемых и выхолащиваемых бюрократическими ограничениями; но и время новых перспектив, новых горизонтов» [26. С. 234]. Времена действительно были противоречивые, во многом парадоксальные, но объединенные тенденциями, которые тянулись из прошлого в будущее. История, как известно, не развивается, она длится. Как и философия, которая, по словам К. Мерло-Понти, «постоянно заново учится смотреть на мир» [13. С. 16].

Именно тогда, в середине 50-х, в советском обществе произошло знаковое событие: завершилась деконструкция целостного философского знания о происхождении и функционировании языка, его места в культуре, значении для познания и развития общества и человека, оформленного в 20-х гг. прошлого века Н.Я. Марром и его последователями как «новое учение о языке». Произошло это не автономно и самодостаточно, а на фоне и в сочетании с аналогичными процессами в других гуманитарных науках — философии, истории и литературоведении³. Началось конструирование новой парадигмы. При этом наука о языке была в ту пору одной из самых политизированных наук.

Хотя тенденция к политизации филологии существовала всегда и во многих культурах, однако именно в России в XX в. использование филологии в политических целях приобрело особый характер. Связано это было с рядом особенностей отечественной истории — в первую очередь с проблемами, возникшими при попытках ускоренного создания новой политической, идеологической, а также государственной идентичности в процессе строительства «нового общества»⁴. Науку подталкивало вперед не открытие новых фактов, а новый взгляд на старые факты. Идеологическими основами отечественной философии языка в XX в. стали история и память, которые воспринимались как арена политической борьбы с внешним и внутренним противником — новаторами и архаистами, славянофилами и западниками, марристами и буржуазными контрабандистами⁵, идеалистами и марксистами, структуралистами и традиционалистами⁶.

¹ Впрочем, если учитывать наш краткий экскурс в 30-е годы, то этот прецедентный текст нужно связать с фильмом «Три товарища» (1935), в котором впервые прозвучала песня «Каховка» (муз. — И. Дунаевский, сл. — М. Светлов) с ее строчками: «Иркутск и Варшава, Орел и Каховка — || Этапы большого пути» и «Мы мирные люди, но наш бронепоезд || Стоит на запасном пути!»

² Эйдельман Натан Яковлевич (1930–1989) — советский историк и писатель, пушкинист, специалист по творчеству А.И. Герцена, автор ряда книг о декабристах (С.И. Муравьеве-Апостоле, М.С. Лунине, И.И. Пущине, В.Ф. Раевском) и русском историке Н.М. Карамзине.

³ Из последних фундаментальных работ на эту тему см.: Дружинин П.А. Идеология и филология. Документальное исследование. В 3 т. М., 2012.

⁴ Дружинин, П.А. Ideology and philology. Documentary study. In 3 vols. Moscow, 2012. Подробно об этом идет речь в авторских монографиях: Базылев В.Н. Сумерки лингвистики. М., 2001; Базылев В.Н. В борьбе за советскую лингвистику. М., 2014. Bazylev, V.N. Twilight of Linguistics. Moscow, 2001; Bazylev, V.N. In the struggle for Soviet linguistics. Moscow, 2014.

⁵ Аллюзия на сборник статей сотрудников Института языка и мышления Академии наук СССР «Против буржуазной контрабанды в языкознании» (1932).

⁶ Аллюзия на сборник статей «Структурализм: «за» и «против» [23].

Язык и государственность

После 1917 г. наука о языке становится одним из важнейших институтов нового государства⁷. Она финансируется и полностью подчинена его стратегическим целям. В своих ранних работах по национально-государственным вопросам Сталин постулирует роль языка как одной из детерминант государственности, наряду с территорией и экономикой⁸. Наука о языке должна была со своей стороны обеспечить процесс строительства нового общества, нового государства, решив все проблемы, связанные с языковыми, национальными и межнациональными отношениями, чем она и занимается до сегодняшнего дня. Правда, с переменным успехом.

Отечественное языкознание не всегда оперативно отвечало на вызовы времени. Это было связано с отставанием в разработке философских, мировоззренческих и методологических вопросов, суть которых была сформулирована в 1918 г.: «Никакого обязательного “государственного” языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют национальному составу ее населения, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях» [20. С. 67]. Именно эта концепция – невыделенность русского языка среди других языков – легла в основу резолюции по языковому и национальному вопросу X съезда ВКП(б) 1921 г.⁹, как и проекта перевода русского языка на латиницу в середине 20-х гг. XX в.

Однако в начале 30-х гг. идеологическая ситуация меняется. Формируется тезис о том, что государственным языком страны должен стать именно русский язык. Не все

языковеды смогли это безоговорочно принять. Многим это казалось изменой идеям революции. Закономерно последует череда т.н. «дискуссий», будь то «дискуссии в Коммунистической академии» на рубеже 20–30-х гг., «поливановская дискуссия» 1929 г., «дело славистов» 1934 г., «переверзевская дискуссия» 1936 г., «карельское дело (дело о карельском языке)» 1938 г.

С некоторым запозданием будущий академик В.В. Виноградов в 1945 г. ответит на вызов времени программной работой «Великий русский язык», опираясь на философию славянофилов и в первую очередь на К.С. Аксакова.

Конец 50-х и 60-е гг. поставят перед наукой о языке вопрос о том, как решить языковые и национальные проблемы в свете концепции «советского народа», каково место русского и национальных языков в формуле «советский народ – историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель – построение коммунизма; возникла в результате социалистических преобразований и сближения трудящихся классов и слоев, всех наций и народностей»¹⁰.

Но уже 80-е и 90-е годы принесут разочарование в возможностях науки о языке сделать что-то принципиально важное для решения возникших национально-языковых проблем на позднем советском и постсоветском пространстве. Помочь в этом не смогли ни криптофилологические штудии 90-х – начала нулевых, ни серия законодательных документов о русском языке. Всё дело, очевидно, в том, что, как считает В.И. Теркулов, нужно было начинать не с области языковых структур, а с области социально-политических конвенций [24. С. 5]. Последнее с неизбежностью возвращает науку о языке к фундаментальному философскому вопросу об общественном бытии и общественном сознании.

Философия языка в советский период: конструирование нового жизненного смысла

С нашей точки зрения, для понимания того, что происходило с философией языка в советской лингвистике, важной оказывается модель о периодическом конструировании и деконструкции ее парадигм. Важность данной проблемы вытекает из содержания научной дисциплины.

Философия языка – фрагмент системы знаний об общих характеристиках, понятиях и принципах бытия – бы-

⁷ В соответствии с марксистской моделью базиса и надстройки, и на основе изложенных в работе Ф. Энгельса «Франкский диалект» идей, имеющих методологическое значение как образец применения исторического материализма в исследовании языка, язык был отнесен к надстройке.

⁸ По рекомендации В. Ленина Сталин начал разрабатывать национально-языковую проблематику, опираясь на идеи О. Бауэра и К. Каутского, написав в 1904 г. статью «Как понимает социал-демократия национальный вопрос», а в 1913 г. – работу «Марксизм и национальный вопрос», войдя после 1917 г. в Совет народных комиссаров в качестве народного комиссара по делам национальностей.

⁹ «...помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [10. С. 559].

¹⁰ В начальной формулировке это прозвучало в 1961 г. на XXII съезде КПСС в докладе Н.С. Хрущева о новой программе КПСС; каноническую формулировку приобрело на XXIV съезде КПСС в 1971 г. в докладе Л.И. Брежнева [28. С. 232].

тия языкового, а также об отношениях человека и окружающего его мира: о человеческом факторе в языке и языковом факторе в человеке. Период эффективного использования результатов научной парадигмы с неизбежностью заканчивается, когда появляется задача, не укладывающаяся в ее рамки. Ощущается начало кризиса: осознание обществом несоответствия возможностей решения актуальных задач, стоящих перед ним, в рамках наличного научного знания о языке. В ответ начинают появляться новые теории, в результате чего формируется новая парадигма.

Конструирование новой парадигмы — это всегда строительство нового жизненного смысла. Советская наука о языке в 20-е и в начале 60-х годов прошлого века решала именно эту задачу, понимая ее как цивилизационную и общекультурную. Однако постепенное приращение задач, которые советское и постсоветское общество должно было решать по мере своей эволюции, периодически приводило к необходимости ее (философской парадигмы языка) деконструкции. *Основная мировоззренческая ошибка, «поражающая» конструируемую философию языка в России (а речь может идти не только о XX в.), — это отказ от предвосхищения событий, происходящих в обществе.* В сознании отечественных языковедов XX в. так и не закрепилась мысль о связи базиса и надстройки, куда с необходимостью относится язык.

Об этом в конце 80-х писал В.А. Звегинцев¹¹: «В истории советской науки о языке много общего с историями других наук, путь которых изобилует горькими событиями, отвлекавшими их от выполнения своих прямых обязанностей. Когда в результате исторического развития советского общества Сталина пришлось вычеркнуть, никаких коренных преобразований в советской науке о языке не произошло» [8. С. 4–5].

Деконструкция «нового учения о языке»

В 1950 г. завершилась (именно завершилась) длившаяся полтора десятилетия деконструкция предшествующего парадигматического этапа философии языка — «нового учения о языке». Новой философии языка, конструируемой в течение первых десяти-пятнадцати лет после Октябрьской революции 1917 г.

Эта деконструкция оформилась в итоге сталинской дискуссией о языке в программной работе «Относительно

марксизма в языкознании»¹². Основные сталинские тезисы касались положений философии языка, «нового учения о языке», которые подлежали деконструкции.

Речь шла в первую очередь о социалистическом строительстве и связанных с ним вопросах языка. «Языковая политика — это общественный вопрос, неразрывно связанный с национальным вопросом, а национальный вопрос в СССР — козырной вопрос нашего строя, уже разрешенный не только идеологически так, как нигде в мире: разрешен он как полное самоопределение каждой нации, независимо от ее культурных достижений при павшем режиме, независимо от подвергнутому искривлению на практике слева (со стороны шовинизма) и справа (со стороны великодержавного, в первую очередь, русского языка)...». Далее об унификации письма: «Нельзя к алфавиту подходить как к явлению исключительно формальному; алфавит в современном его понимании неразрывно связан с идеологией...». Наконец, речь шла о поиске путей создания мирового языка: «Будущий единый всемирный язык будет языком новой системы, особой, доселе не существовавшей, как будущее хозяйство с его техникой, будущая неклассовая общественность и будущая внеклассовая культура» [6. С. 772, 530, 550].

То есть язык рассматривался как реальный инструмент строительства нового общества. Но на реальном, а не на теоретически осмысляемом пути закономерно возникали не столько теоретические, сколько реальные практические проблемы. Самая главная из них — отсутствие непосредственной связи между надстройкой, где функционирует язык, и экономическим базисом марксистской модели. В ходе дискуссии речь шла не о том, что язык не относится к надстройке, а о том, что имела место вульгаризация, т.е. чрезмерно упрощенное изложение марксизма¹³. Другая проблема — непоследовательная языковая политика, вызванная идеологической переориентацией от идеи миро-

¹² К сожалению, в оценке сталинской дискуссии о языке 1950 г. в отечественной историографии до сих пор преобладают идеологический и социологический ракурсы. В зарубежных исследованиях (начиная с 70-х гг.) и в отечественных (начиная с 90-х гг.) оценка страдала той односторонностью, которая лучше всего понята из цитаты В.М. Алпатова: «Все они [дискуссии]... принесли немало вреда нашей науке. Форма дискуссии имела совсем не дискуссионное содержание. Цель заключалась в подавлении всякой свободы в той или иной области науки, в установлении здесь монополии одного, признаваемого единственным марксистским направления, нередко антинаучного, как это случилось в генетике в 1948 г., предоставлявшая инакомыслящим возможность высказываться только облегчала их травлю, давала основания придирается к тем или иным формулировкам, трактуемым как угодно, заявлять о существовании сплоченной антимарксистской группы» (Алпатов В.М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991. С. 168 [Alpatov, V.M. The History of One Myth. Marr and Marrism. Moscow, 1991. P. 168]).

С нашей точки зрения, дискуссии 1950 г. следует трактовать как последний этап деконструкции научной парадигмы, исчерпавшей свои возможности.

¹³ Впрочем, это становилось понятным уже к концу 20-х гг.; так, в предисловии к работе П. Лафарга «Язык и революция» В. Гюффеншефер указывал на то, что «экономическая обусловленность языковых явлений, как и идеологических надстроек, значительно осложняется при переходе к современности» (Лафарг П. Язык и революция. М.-Л., 1930. С. 4 [Lafargue, P. Language and Revolution. Moscow-Leningrad, 1930. P. 4]).

¹¹ Звегинцев В.А. (1910–1988) — советский лингвист, идейный вдохновитель и организатор Отделения теоретической и прикладной лингвистики на филфаке МГУ и первый заведующий этим отделением; заведовал редакцией языкознания в издательстве «Прогресс», создал неперIODическую серию сборников «Новое в зарубежной лингвистике».

вой революции к идеи возможного построения социализма в отдельно взятой стране¹⁴. Сталин подводит черту под «новой историей», одним из краеугольных камней которой стали идеи панславизма в их сталинском варианте 30-х гг. В качестве ключевой фигуры здесь можно назвать академика Н.С. Державина, который вслед за марристами отрицал идею исторического и генетического развития языков и делал упор на то, что все языки имеют общее происхождение; изменяясь под влиянием развития общества, они скрещиваются между собой. На этом основании утверждалось, что русский язык ближе к грузинскому, чем к другим славянским, а немецкий – ближе к грузинскому сванскому языку и т.д. [7. С. 24–25].

В этом осуществлялась, как было приятно говорить в то время, смычка политики, истории и языкознания. Однако уже к началу 40-х гг. она не удовлетворяла идеологические запросы общества в плане соотношения разных национальных языков на территории СССР, что вело к заметной перестройке концептуального облика советской не только языковедческой, но и исторической науки. В ходе дискуссии, рассуждая о роли диалектов, И. Сталин обронил фразу, ставшую головной болью для историков и археологов: «...Некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская “речь”) русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка» [21. С. 130].

По сути, все основные вопросы философии языка уже к концу 30-х гг. требовали новых актуализированных ответов: что есть язык в изменяющемся пространстве и во времени, что есть язык в изменяющемся обществе. Работа Сталина обосновывает, почему те ответы на поставленные перед наукой вопросы, которые предлагала предыдущая конструкция 20–30-х гг., оказались более не актуальными: «Теория не только не решала эти задачи, но даже не ставила их, – она просто не замечала или не понимала их» [19. С. 27]. Неудовлетворительное понимание марксизма – цитатничество и начетничество, отсутствие его развития, т.е. постоянной актуализации, – в этом вина не только науки о языке, но и философии, и истории. Правда, это было констатировано раньше, во время философской дискуссии 1947 г. и исторических дискуссий середины 40-х гг.

¹⁴ Эта «сумбурная» языковая политика описана в работе: *Аннамова В.М.* 150 языков и политика, 1917–1997: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 1997. 199 с. [*Alpatova, V.M.* 150 Languages and Politics, 1917–1997: Sociolinguistic Problems of the USSR and Post-Soviet Space. Moscow, 1997. 199 p.]

Итоговый тезис деконструкции звучал так: «Дискуссия выявила невероятную путаницу взглядов по самым важным вопросам языкознания... Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание» [19. С. 29].

Так Сталин обосновывал неактуальность предшествующей парадигмы и провозгласил необходимость ее смены. Он дал разрешение на идеологическое, кадровое и организационное формирование новой научной парадигмы. При этом «революция» в преобразовании не приветствовалась, рекомендовался «эволюционный путь». Это выразилось в том числе в ограничении на «преследования личностей». Обратим внимание на реплику Сталина, касающуюся ученых, в конце брошюры: «Если бы я не был убежден в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение¹⁵ равносильно вредительству» [19. С. 28].

Сфокусировав внимание читателя на сталинском тексте, мы должны ответить на вопрос: является ли он случайным, единичным? В духе конструктивизма ответ может быть однозначным – это лишь фрагмент, пусть итоговый, в процессе деконструкции всей парадигмы гуманитарного знания 20–30-х гг. Поочередно критике подверглись и философы, и историки, и литераторы, и языковеды. Будучи главной опорой идеологии, они не поняли вовремя основной постулат марксизма об эволюции общества. Они «застряли» в 30-х годах, а кое-кто из них – в 20-х. Нужно было обновление. Эволюционное. На это указала партия¹⁶.

Идеологические развороты и наука о языке

Что же менялось в стране, начиная с середины 30-х гг., применительно к проблемам, стоявшим перед наукой о языке? Укажем на два основных изменения.

¹⁵ Полностью реплика Сталина в адрес Мещанинова звучала так: «Так называемый “Бакинский курс” (лекции Н.Я. Марра, читанные в Баку), забракованный и запрещенный к переизданию самим автором, был однако по распоряжению руководителя (тов. Мещанинов называет их «учениками» Марра) переиздан и включен в число рекомендуемых студентам пособий без всяких оговорок. Это значит, что студентов обманули, выдав им забракованный курс за полноценное пособие. Если бы я не был убежден в честности товарища Мещанинова и других деятелей языкознания, я бы сказал, что подобное поведение равносильно вредительству».

¹⁶ Мы не склонны видеть в этом намерении Сталина некую интеллектуальную игру. Это была серьезная задача по эволюции государства в целом. Именно эволюции, а не революции, как мы указали выше с опорой на цитаты Сталина. Поэтому вряд ли можно согласиться с одной из последних по времени оценкой М. Эпштейна: «Эта работа – великолепный образчик интеллектуального юмора и гротеска. Дело в том, что Сталин, пользуясь всем витиеватым марксистским жаргоном, всеми идеологическими штампами, которые он сам же виртуозно и разработал, сводит марксизм на нет, растворяет в какой-то мистической пустоте. Вряд ли это могло быть сделано бессознательно. Создается впечатление, что Сталин намеренно играет с марксизмом, создает пародию на него – вроде той, что создана Д. Шостаковичем в кантате «Антиформалистический раёк» (*Эпштейн М.* Как Сталин марксизм разлагал. К 70-летию брошюры «Марксизм и вопросы языкознания». Почему мы и сегодня шествуем сталинским путем? // Новая газета. 24 марта 2020 г. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/24/86797-kak-stalin-marksizm-razlagal> (дата обращения: 20.04.2023). *Epstein, M.* How Stalin degraded Marxism. To the 70th anniversary of the brochure «Marxism and the Questions of Linguistics». Why are we still marching the Stalinist way today? *Novaya Gazeta*. March 24, 2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/08/24/86797-kak-stalin-marksizm-razlagal> (accessed on: 20.04.2023).

Национальная политика в целом. Началась ревизия политики национальных отношений: начиная с «дела славистов» 1934 г. до мало исследованного и редко упоминаемого «дела о карельском языке» 1938 г.

Идеологический поворот требовал историко-философского обоснования реабилитации русской цивилизации, той цивилизационной парадигмы, в которой основы государственности формировались бы не на силовых началах.

Надо признать, что в этом отношении языковедение раньше всех постаралось выполнить свою задачу: в 1945 г. выходит книга В.В. Виноградова «Великий русский язык»; в 1946 г. МГУ выпустит книгу «Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры».

Что же произошло в науке после деконструкции «нового учения о языке»? С необходимостью началось конструирование новой парадигмы. В полном соответствии с «духом эпохи» не обошлось без «признания некоторых ошибок». Инерция традиции велика. Это понятно и объяснимо. По словам И.Т. Касавина, «причастность традиции дает ее стороннику лекарство против экзистенциального страха, смягчает рискованность его действий, обеспечивает ему известную долю успеха и почета» [9. С. 201].

Отсюда закономерные публикации, в первую очередь симптоматические. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языковедении» — так именовался сборник статей под редакцией В.В. Виноградова и Б.А. Серебренникова 1951 г. [18]. В нем «отметились» практически все те, кто в дальнейшем будет конструировать «новую советскую лингвистику» 60–80-х годов: А.В. Десницкая и В.В. Виноградов, В.А. Звегинцев и Н.Ю. Шведова; В.Д. Левин и Ф.П. Филин, Б.А. Серебренников и П.С. Кузнецов; М.М. Гухман и Ю.Д. Дешериев; О.П. Суник и В.Н. Ярцева; Е.М. Галкина-Федорук и М.Н. Петерсон.

Одна из проблем — это сложившаяся общеполитическая ситуация в сложной и противоречивой обстановке борьбы двух методологических направлений. Одно из них, важнейшее, исходило из марксизма как общей методологии общественных наук, второе — из различных немарксистских философских систем, на которые опиралось отечественное языковедение еще до 1917 г. Наиболее влиятельными из них были психологическое, идущее от И.А. Бодуэна де Куртене, социологическое, идущее от А. Мейе и Ф. Соссюра, и эстетическое, идущее отчасти от А.А. Потебни, но связанное со школой Б. Кроче и К. Фосслера. Описанная ситуация отразилась и в библиографическом описании публикаций тех лет [3], и в учебном пособии МГУ [5], и в воздействии научного наследия прошлого, и в связях с развивавшейся по своим путям зарубежной наукой о языке, и в серии переводной литературы по языковедению.

Но в 1956 г. этот этап конструирования оказался прерванным в связи с коренным пересмотром всего идеологи-

ческого наследия не только Сталина, но всей предыдущей эпохи. Произошла не просто деконструкция намечавшейся новой научной парадигмы. На время создан полнейший вакуум, в первую очередь — философский.

XX съезд КПСС обычно упоминают в связи с докладом Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Но для отечественной гуманитарной науки большее значение имела речь А.И. Микояна 6 февраля 1956 г.¹⁷ В его выступлении был раздел, озаглавленный «Работу в области идеологии — на новый уровень». Основной тезис звучал так:

У нас в партии огромное количество теоретически подготовленных кадров экономистов, историков, философов, юристов, людей, назубок выучивших труды классиков марксизма-ленинизма. Однако отдача этих знаний крайне мала, у нас не чувствуется глубокой марксистско-ленинской творческой работы. Большинство наших теоретиков заняты повторением и перевоплощением на разные лады старых цитат, формул и положений. Какая же наука без творчества? Это скорее школярство, учебные упражнения, а не наука, ибо наука прежде всего есть творчество, есть созидание нового, а не повторение задов. (Аплодисменты.) Нашим научно-теоретическим работникам следовало бы отдать все свои силы делу изучения новых фактов нашей действительности, новых событий и явлений в области экономического и общественного развития в СССР и за рубежом, всесторонне изучать эти факты и явления, освещать их марксистско-ленинским светом, тем самым обогащать идейную сокровищницу марксизма-ленинизма. Надо надеяться, что XX съезд партии послужит серьезным толчком работникам идеологического фронта, что они возьмутся по-настоящему за творческую научную работу. Дела здесь — непочатый край, нужного народу, трудного, интересного и почетного дела. И пусть работники идеологического фронта знают, что партия не может терпеть их дальнейшего отставания от жизни. Экономисты, историки, философы, юристы должны идти в ногу с партией, с нашей жизнью, обязаны ликвидировать отставание научной работы и обеспечить творческое обогащение марксизма-ленинизма [27. С. 327].

Хотя о языковедах напрямую речь не шла, но всем — и философам, и историкам, да и самим языковедам — была понятна роль языка в государственном строительстве и государственной идеологии.

¹⁷ Кажется странным — какое отношение к идеологии имеет человек, по своим функциональным обязанностям в партии от нее далекий? Но недоумение снимается, если обратиться к некоторым страницам его биографии: к концу 1940-х годов, наряду с В. Молотовым, Микоян оказался в числе тех, кто подпадал под готовившуюся Сталиным новую «чистку». Против Микояна «собирались сведения» по делу «Еврейского антифашистского комитета». В 1949 году он был снят с поста министра внешней торговли, а в 1952 году Сталин на пленуме ЦК после XIX съезда подверг его работу критике. После смерти Сталина Микоян вернулся в состав высшего руководства страны. Он еще до Хрущева выступил с осуждением культа личности Сталина и в конечном итоге поддержал Хрущева в осуждении Сталина на XX съезде (Павлов М.Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне эпохи. М., 2010 [Pavlov, M.Yu. Anastas Mikoyan. A political portrait against the backdrop of the era. Moscow, 2010]).

Конструирование «нового марксистского языкознания»

Подобно тому, как в начале 20-х годов при создании парадигмы «нового учения о языке» появляется Н.Я. Марр, получивший административный и финансовый ресурс, так и после XX съезда появляется В.З. Панфилов, который административно и научно возглавит новую философскую языковедческую парадигму, названную «новым марксистским языкознанием».

Уже в 1957 г. выходит в свет сборник «Мышление и язык», состоявший из статей по важнейшим философским вопросам мышления и языка [14. С. 4]. Книга носила индексальный характер. В числе тех, на кого предполагалось опираться при конструировании «нового марксистского языкознания», не было лингвистов. В.З. Панфилов начинает конструирование практически «с чистого листа» — с идей антрополога В.В. Бунака, психологов и зоопсихологов Н.Н. Ладыгиной-Котс и Г.З. Рогинского, фольклориста и эскимосоведа Г.А. Меновщикова. Из «иностранных» опираться предполагалось на американца Ф. Боаса. Последнее понятно, так как Н.С. Хрущев призвал в первую очередь «догнать и перегнать Америку».

Одна из главных трудностей на пути конструирования новой парадигмы философии языка — это отторжение в массовом сознании языковедов, чье научное становление пришлось на период 20–40-х гг., новых понятий и принципов, которое несло обращение к западноевропейским и американским теориям о языке. Тем более что шло оно с «космополитического» Запада. Неудивительно, что многим тогда это казалось изменой принципу «построения социализма в отдельно взятой стране».

Чтобы не быть в очередной раз обвиненными в «философских заблуждениях»¹⁸, лингвисты предпочли развивать преимущественно практическую сторону науки о языке, почти не затрагивая ее теоретических основ. Связано это было также с тем, что советскому филологу 60-х гг. одновременно открылась известная неравномерность эволюции научного знания в мировом масштабе. Она стала причиной того, что вносимые по приказу сверху научные модернизации по «западным образцам» научное сообщество если и не отвергало полностью, то изменяло их до неузнаваемости, а порой — до гротеска. Это касалось не только западных традиций профессионального научного исследования, но и самого образа науки о языке. Последний формировался во взаимодействии с западным рационалистическим и материалистическим дискурсом — вплоть до марксистского, как во Франции,

прагматического и позитивистского, как в Америке, идеалистического, неогумбольдтианского и иных дискурсов в побежденной Германии¹⁹. При первом же знакомстве с западной наукой той поры советское научное сообщество начинало терзаться сомнениями — безопасна ли эта наука, не повредит ли она чистоте марксистской науке о языке. Достаточно вспомнить дискуссию по структурализму, сопровождавшуюся выходом книги с «говорящим» заголовком — «Структурализм: за и против» [23]²⁰.

В итоге в советском языкознании 60–80-х гг. стихийно складывается смешение, соединение разнородных идей, взглядов, методов и др. Формалистические подходы в исследовании языка опирались на Д. Гильберта, его последователей из геттингенской школы и Р. Карнапа. Концептуализм в языкознании 60-х гг. выводился из работ Э. Кассирера, ренанировался гегелевский идеализм, на который опирался Гумбольдт, а после знакомства с гипотезой Сепира-Уорфа к советским лингвистам пришло увлечение неогумбольдтианством²¹. Были позаимствованы идеи американского критического реализма Дж. Сантаяны и реалистическая семантика символической логики Ч. Пирса, Г. Фреге, А. Уайтхеда, логицизм Э. Гуссерля и прагматистски-бихевиористические теории Дж. Уотсона и Ч. Морриса. В плоскость языка была переведена главная задача позитивизма — развенчание традиционной философии (метафизики).

В итоге получалась некая эклектика, недифференцированно вбирающая в себя как все элементы предшествующих этапов истории отечественного языкознания, начиная с XIX в. (активно возрождалось сравнительно-историческое языкознание, объявленное «буржуазной контрабандой» в начале 30-х), так и современные, воспринимающиеся как в большей степени модные, нежели актуальные, тренды западноевропейской

¹⁹ Речь идет о западногерманской философии языка, отношение к которой, в связи с идеологией победителей, заведомо не могло быть однозначным, в том числе на фоне философских проблем языкознания, разрабатываемых в другой части побежденной Германии — в дружественной ГДР (см. работу известного в свое время философа из ГДР Э. Альбрехта «Критика современной лингвистической философии». М., 1977).

²⁰ Сборник знакомил советского читателя с важнейшими материалами, относящимися к обсуждению в зарубежной литературе вопроса о новых, специфических методах филологического исследования — структурных, семиотических, теоретико-информационных. В статьях, включенных в первый раздел сборника — «Проблемы и методы», — содержались попытки позитивного изложения целей и конкретных приемов подобных исследований. Наряду с работами известных «пионеров» структурализма (Я. Мукаржовский, Р. Якобсон) в сборнике были представлены переводы работ их современных последователей, развивающих основные идеи этого направления как в лоне «буржуазной» филологии (Ролан Барт и др.), так и в русле марксистской теории (Я. Славинский, И. Левый). В статье второго раздела — «Споры вокруг структурализма» — с марксистских позиций приводилась аргументированная критика философско-методологических основ западного структурализма. Однако на вопросы, связанные с уяснением перспектив и границ применения структуралистских методов в отечественной науке о языке, так и не были сформулированы однозначные ответы.

²¹ См., напр.: *Постолова В.И.* Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта / отв. ред. А.А. Леонтьев. М., 1982. *Postolova, V.I.* Language as Activity: Experience of Interpretation of W. Humboldt's Concept. Humboldt / ed. by A.A. Leontiev. Moscow, 1982.

¹⁸ Об этом шла речь в разделе «Лингвистическая концепция философии и философских заблуждений» программной книги М.С. Козловой «Философия и язык. Критический анализ некоторых тенденций эволюции позитивизма XX в.» (М., 1972).

и американской лингвистики²². Всё это порождало эффект структурного бриколажа. Пытаясь синтезировать и апробировать все известные подходы в мировой и отечественной лингвистике, исследователи той эпохи просто синтезировали тексты различных концепций, их обрывки, цитаты, что в конечном итоге превращало теоретическую базу отечественной лингвистики во фрагментарную и мозаичную структуру, в сплошной коллаж.

На этом фоне естественное требование к сохранению и развитию методологического, в своей основе философского, базиса науки о языке не теряло своей актуальности. Появляется целостный философский проект по созданию «нового марксистского языкознания», который должен был обеспечить философскую методологическую базу развития отечественной науки о языке в обозримом будущем. Для его реализации было создано специальное подразделение (сектор) в Институте языкознания АН СССР, которое возглавил В.З. Панфилов, руководивший им до своей смерти в 1993 г.

В проект, как позже обобщенно об этом напишет В.З. Панфилов [16], входила разработка гносеологических аспектов философских проблем языкознания, вопросов онтологии языка как общественного явления, проблем взаимоотношения языка и мышления, закономерностей развития языка, а также систематизация вопросов общей методологии и частных методов языкознания. Запланированные исследования посвящались теоретическим и прежде всего философским вопросам языкознания, которые учитывали логику развития самого языкознания как науки, а также социальные потребности общества. Они полагались существенными для других наук: для философии в связи с необходимостью дальнейшей разработки ленинской теории отражения, категорий диалектической логики и исторического материализма, а также критики таких направлений «буржуазной философии», как лингвистическая философия, экзистенциализм и герменевтика; для психологии и этнографии в связи с проблемой генезиса и развития человеческого мышления.

Конструирование этой новой парадигмы в полном объеме не было завершено. Законченной оказалась лишь разработка гносеологических вопросов к концу 70-х [15]. В середине 80-х гг. прошлого века начался процесс ее деконструкции. С одной стороны, сыграли роль объективные

исторические процессы, сопровождавшие советскую науку: «обвал поколений», «обрыв традиции» и «кризис идей»²³ (как будто вторя словам А. Блока: «К нам доносился погребальный звон; || Язык огня взлетел, свистя, над нами, || Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!»²⁴).

С другой стороны, поскольку наука о языке, и в том числе философия языка, так и не стала практикой изменения и объяснения, а осталась практикой описания, постольку ей было не избежать неприятия со стороны общества. В.К. Журавлев позже будет вспоминать о том периоде истории советского языкознания: «В ответ на вопрос знатного шахтера о моей специальности я честно признался: языковед. Тот, широко открыв глаза, спросил: “И вам за это платят?” Что только не отражалось на лицах моих собеседников. Наступила минута молчания. Казалось, что хоронят уважение ко мне <...> Похоже, что лингвистика, как бедная Золушка, только и делала, что ходила в обносках: то биологии, то психологии, то формальной логики, то математики...»²⁵.

Последняя деконструкция

Действительно, наука о языке 60–80-х гг. прошлого века пыталась ответить на вызовы современности, говоря «правильные слова» о социальных процессах, менявших облик советского общества, о русском языке как государственном и о равноправии всех языков СССР, о взаимоотношении русского языка и национальных языков. На фоне «правильных слов» обострение национально-языковых отношений к середине 80-х стало достаточно неожиданным для многих ученых. Последние не были в состоянии адекватно методологически и философски оценить меняющуюся или уже изменившуюся языковую ситуацию в стране, а также понять, как обеспечить обществу и государству выстраивание языковой политики, адекватной новой реальности. Вместо этого отечественная наука о языке снова ограничивала себя достаточно простой задачей — анализом и обобщением опыта решения национально-языковых вопросов в современном мире без перспектив применения этого опыта в отечественных реалиях²⁶.

²² Напомним, что с 1960 по 1980 г. в стране выходила неперіодическая серия «Новое в зарубежной лингвистике» — серия сборников переводных статей по языкознанию, основанная В.А. Звегинцевым. Стоит отметить, что, например, А.А. Реформатский оценивал ее и всю деятельность Звегинцева как просветительскую, но отнюдь не как научную; кроме этого, в памяти того поколения хранилась история о том, как Р.А. Будагов настоял на принципиальном изменении названия всей серии — с VIII выпуска она стала именоваться «Новое в лингвистике», так как, по мнению Будагова, которое он изложил в своем «партийном» письме, у молодого поколения советских лингвистов не должно складываться впечатление, что новое в науке о языке существует только в зарубежном языкознании. Комментарий: Будагов Рубен Александрович (1910–2001) — советский лингвист, специалист в области общего и романского языкознания, чл.-кор. АН СССР с 24 ноября 1970 г. по Отделению литературы и языка; представитель т.н. неомарризма в советском языкознании 60–80-х гг.

²³ Подробно об этом периоде см.: *Базылев В.Н.* В борьбе за советскую лингвистику. М., 2014.

Bazylev, V.N. In the struggle for Soviet linguistics. Moscow, 2014.

²⁴ Блок А.А. Песнь Ада («День догорел на сфере той земли...»).

²⁵ Журавлев В.К. (1922–2010) советский лингвист-славист, член-корреспондент Международной славянской академии наук, иностранный член Болгарского филологического общества, ведущий научный сотрудник Института языкознания АН СССР (Институт языкознания РАН — с 1991 г.). Цит. по: *Журавлев В.К.* Язык, языкознание, языковеды. М., 1991. С. 6, 199. *Zhuravlev, V.K.* Language, linguistics, linguists. Moscow, 1991. P. 6, 199.

²⁶ Решение национально-языковых вопросов в современном мире / под ред. акад. Е.П. Чельшева. М., 2003; Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / под ред. акад. Е.П. Чельшева. М., 2010. *Solution of national-language issues in the modern world / ed. by Acad. E.P. Chelyshev. Moscow, 2003; Solution of national-language issues in the modern world. CIS and Baltic countries / ed. by Acad. E.P. Chelyshev. Moscow, 2010.*

Именно по этой причине, как нам представляется, в теоретическом отношении отечественные языковеды продолжали повторять устаревшие, восходящие в своей основе к гипотезе Сепира-Уорфа в ее неогумбольдтианском варианте, положения о соотношении языка, мышления и культуры. Они ограничивались отсылками типа — «язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находится в неразрывной связи и непрерывном взаимодействии, что определяет их развитие». Характеризуя языковую и культурную картину мира, тривиально утверждается, что язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива. Отсюда следует эклектичное оперирование такими понятиями, как норма, идеология, менталитет, концепт, стереотип, национальный характер. Признаются различия и конфликты культур. Говорится о роли языка и культуры в сохранении национальной самобытности народов. Но дальше деклараций дело не идет.

Советское общество в очередной раз разочаровалось в мифе²⁷ о всемогуществе языка и науки о языке в решении назревших социально-политических проблем, связанных с языковой ситуацией и языковой политикой.

К началу 80-х становится ясно, что наука о языке не оправдала возлагаемых на нее обществом надежд. Симптомом этого стали, в духе времени, административные меры. В 1982 г. ликвидируется Отделение структурной и прикладной лингвистики в МГУ, которое на протяжении двадцати лет «занималось пропагандой буржуазной лингвистики и находилось в постоянной конфронтации с обществом, связанной с обвинениями отдельных преподавателей и студентов Отделения в участии в диссидентском движении и других проявлениях неблагонадежности» [4. С. 205].

«Новое марксистское языкознание» не помогло в решении идеологических проблем советского общества. Диссиденты, инакомыслящие, андерграунд, самиздат не поддавались тотальному контролю. Система идей, основанная на философском учении (а философии языка в этом отводилась своя роль), так и не была внедрена в жизнь. Напомним, что «новое марксистское языкознание» должно было выработать такую концепцию о языке, которая показала бы, как язык оказывает решающее воздействие на социальные факторы и мышление, и через них — на организацию и развитие общества. Наука о языке никак не участвовала в строительстве «развитого социализма». Она не смогла не только предложить что-то конкретно прагматическое, но даже

объяснить явное расхождение массового сознания с идеологическими стереотипами, которые не находили подтверждения в реальной жизни. «Новое марксистское языкознание» должно было, по задумке его инициаторов, стать основой для коррекции идеологической парадигмы социализма, усиления философской части марксизма-ленинизма. Однако подобные усилия философов от языкознания заведомо не имели смысла. Парадоксально, но любое новое явление в гуманитарной области потенциально являлось угрозой идеологической системе или же представлялось таковой. Поэтому, даже если бы советским языковедам и удалось довести проект «нового марксистского языкознания» до его логического конца, не факт, что его результаты оказались бы применимы в практике государственного строительства.

При этом оказалась невыполненной, пожалуй, самая важная задача, поставленная еще на X съезде партии в 1922 г., — решение национального вопроса, выработка последовательной языковой политики и языкового строительства.

В самом начале своего недолгого правления, в 1982 г., Ю.В. Андропов в докладе, посвященном 60-летию СССР, среди прочего особо выделил национальную проблематику, которую уже нельзя было замалчивать: «Важно, однако, чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порождала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям. А такого рода негативные явления еще встречаются. И было бы неправильно объяснять это только пережитками прошлого. Их питают порой и наши собственные просчеты в работе. Здесь, товарищи, нет мелочей. Здесь важно всё — и отношение к языку, и к памятникам прошлого, и трактовка исторических событий» [1. С. 44].

Эпоха, именуемая «горбачевской перестройкой», особенно вторая половина 80-х гг. XX в., охарактеризовалась взрывным характером национального вопроса. На этом фоне готовится и проводится сентябрьский 1989 г. Пленум ЦК КПСС, на котором с докладом «О национальной политике партии в современных условиях» выступит М.С. Горбачев. То, о чем говорил Горбачев, можно назвать констатацией потерь — в том числе констатацией того, что советская социолингвистика не справилась с решением основной научной задачи: не оформила свои фрагментарные исследования, которые проводились масштабно, в теоретическую программу языковой политики страны.

Повторим еще раз: ничего удивительного, что в истории науки «новое марксистское языкознание» подверглось деконструкции как не выполнившее возложенных на нее ожиданий со стороны общества. И точно так же, как в 1950 г., когда деконструкция завершилась программным текстом — статьей Сталина, так и в 90-е процессы деконструкции пара-

²⁷ Аллатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 2004. С. 82.
Alpatov V.M. The History of One Myth: Marr and Marrisism. Moscow, 2004. P. 82.

дигмы философии языка – «нового марксистского языкознания» – завершились созданием некоторого итогового текста. Правда, на этот раз текст написал не вождь, а лингвист. Речь идет о книге А.Т. Кривоносова «Мышление, язык и крушение мифов о “лингвистической относительности”, “языковой картине мира” и “марксистско-ленинском языкознании”» [11]²⁸. Аллюзируя на статью Сталина, автор задается серией вопросов, из ответов на которые следуют программные выводы.

Главный вопрос о сути языка в 70–80-е годы незаметно ушел в сторону из-за подмены лингвистики как науки о языке лингвистикой как частью общей семиотики, как науки о знаковых системах <...>.

Творческое развитие «марксистского языкознания» не произошло. На деле осталась лишь вера в «марксистское учение о языке» <...>.

Научная лингвистическая теория, которая обеспечивала бы правильное и более глубокое понимание сущности языковых явлений, так и не была создана. Лингвисты довольствовались лишь комментариями к конкретным фактам языка <...>.

Существенный недостаток «нового марксистского языкознания» – в отсутствии серьезной методологической рефлексии о предметах и внутренних путях самой этой науки. Марксистско-ленинское языкознание вылилось, во-первых, в некую «крайность», во-вторых, в некую «мечту», в «иллюзию», тормозившую развитие науки. Эта крайность и иллюзия проявилась в недифференцированном заимствовании всего «нового» [11. С. 668–707].

Этим текстом завершается деконструкция парадигмы «нового марксистского языкознания» к концу 90-х.

Точки, которые мерцают в перспективах будущего²⁹

Теперь уже в исторической ретроспективе повторяется ситуация конца 50-х. Наступил период смены «большой системы», переориентация на использование различных форм прошлого. Ю.С. Степанов к концу своей жизни, в 1998 г., заканчивает работу над компилятивной книгой «Язык и метод. К современной философии языка». В ней он охарактеризует российскую школу философии языка «устремлением к тонкому концептуальному анализу, его расширениями в виде логического анализа языка, лингво-философского анализа и возрожденным интересом к основаниям последнего, прежде всего к наследиям патристики Восточной церкви, “великой тройки” (Флоренский–Лосев–Булгаков), русского символизма и модернизма» [22. С. 11].

²⁸ Автор в середине 90-х работал вместе с А.Т. Кривоносовым на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания МГЛУ; именно в то время А.Т. сформулировал основные идеи и написал первый вариант книги, которая в полном объеме была издана позже, когда А.Т. уехал в США.

²⁹ Подзаголовок – аллюзия на цитату из Салтыкова-Щедрина: «Не давайте окаменеть и сердцам вашим, взглядывайтесь часто и пристально в светящиеся точки, которые мерцают в перспективах будущего» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Пешехонская старина).

Сказанное – по своей сути декларация эклектики, подкрепленная тезисом об отношениях «семейного сходства»³⁰ между англосаксонской, французской и российской школами философии языка. По словам Ю.С. Степанова, «между школами существуют отношения “семейного сходства”, заключающиеся в том, что некоторые признаки (темы и методы) одной школы принадлежат также и другой» [22. С. 12].

Обратим внимание на то, что в качестве основного признака указан метод. Однако в этом случае речь идет уже не о философии языка. Позитивистский приоритет, отдаваемый методу, отрицает не только философию, но и методологию. Он открывает возможность отказа от единого философского базиса, заменяемого множеством методов, а также сочетанием методов, взятых из различных научных дисциплин.

По меткому замечанию Н.А. Некрасова: «Что ему книга последняя скажет, || То на душе его сверху и ляжет»³¹.

В основу научного исследования кладется не философия, а теория, постулирующая, что смысл научного знания зависит от интерпретации источников исследователем и является относительным.

Ответ на вопрос: почему так быстро произошла деконструкция парадигмы философии языка в постсоветском научном сообществе языковедов? – достаточно прост. У целого поколения советских лингвистов остался горький привкус абстрактных философских спекуляций марксистской риторики. В советский период «новое учение о языке» и «новое марксистское языкознание» ассоциировалась с императивом марксистско-ленинского языкознания, призванного противопоставить истинную, т.е. марксистскую науку порочному антинаучному буржуазному языкознанию. Немало бумаги и чернил было потрачено на теоретическое обоснование понятий «диалектическая, материалистическая, марксистская методология», но и в повседневной исследовательской практике необходимо было выискивать благотворное влияние этой единственно верной методологии, клятва верности которой являлась необходимой предпосылкой профессиональной научной деятельности.

Вот почему попытки построить монистическую философию языка так быстро сменил хаос и произвол, царящие до сегодняшнего дня в отечественной науке о языке. Очередной отказ от единого монистического философского базиса привел к заполнению создавшегося вакуума неограниченным количеством методов исследования. Они сопровождаются

³⁰ Философская идея «семейного сходства» в XX в. актуализируется в работах Л. Витгенштейна, восходящих к идеям Ф. Ницше, опиравшегося на теорию А. Шопенгауэра. Последний же заимствовал идею у романтиков, в частности у Ф. Шеллинга. Однако в раннем романтизме, у Гёте, уже присутствует идея «избирательного сродства» – метафора, использовавшаяся в алхимии и обозначавшая способность химических веществ сочетаться с определенными веществами или их соединениями, отдавая им предпочтение перед другими. В связи с данным комментарием ср. данную нами характеристику ситуации рубежа 50–60-х гг.

³¹ Из поэмы Н.А. Некрасова «Саша» (гл. 4).

нескончаемыми попытками заявить об обнаружении нового и новейшего предмета исследования в твердой уверенности, что российской земле под силу *рождать не только собственных Платонов, но и собственных Делёзов*.

Этим, как считает «молодое поколение лингвистов», мы отдаем долг европейской предметной стратегии философствования, восходящей к модели познания, предложенной Ф. Бэконом и Р. Декартом. Однако при этом забывается, что уже к концу XVIII в. она стала приобретать, по словам Гегеля, характер «дурной бесконечности» — *das Schlecht-Unendliche*, что лучше было бы перевести сегодня как «слабо структурированная бесконечность».

Именно она допускает сегодня в отечественной лингвистике неограниченную делимость предмета познания, монотонность и повторяемость отдельных фрагментов знания, не ведущих в конечном итоге к выстраиванию завершённой научной картины мира о языке. Как тут не вспомнить басню С. Михалкова «Слепые и слон», написанную в 1968 г. также по поводу сложившейся тогда ситуации в советской науке в целом: «Был каждый в чем-то прав, но ошибались все. Так часто в спорах люди, истину свою пытаясь доказать, не слушают друг друга. И притча о слоне — лишь небольшой пример всеобщего непониманья» (С. Михалков).

За последние двадцать лет многое было «изобретено» в отечественной науке о языке³². Это альтернативная историческая лингвистика и лингвистика, нанолингвистика и неопсихолингвистика, креативная лингвистика и лингвосинергетика, неолексикология и стереолингвистика, суггестивная лингвистика и теологическая лингвистика, философия антиязыка и когнитивная философия языка, лингвистика креатива и экономика языка, лингвосоционика и компутационная лингвистика, коннективистика и лингвистика информационно-психологической войны, фронтальная лингвистика и даже «новейшая лингвистика». По словам каждого из «создателей нового метода», последний особо выделяется на фоне других имеющихся течений в синхронии современного состояния лингвистического знания как наиболее актуальный, обладающий своими объёмом, методологией и ключевыми понятиями.

Проблема в том, что методология конкретной области научного знания, конкретной частной науки, с необходимостью базирующаяся на философских принципах, не сводится к системе используемых в этой науке методов исследования, отражения своего предмета. При такой трактовке науки, в частности науки о языке, отступает на второй план главное — ее мировоззренческое значение, философский смысл.

Заключение

Подмена монистического философского базиса неограниченным набором методов ведет к тому, что в пространстве теоретических основ языка обнаруживается масса случайных, пустых, бессодержательных «теорий», сотканных из противоречивых рассуждений, негативно влияющих на процесс производства знания о языке. Некоторые лингвисты жалуются на то, что до сих пор не сформулирован идеальный проект лингвистики, т.е. не определены ответы на вопросы о том, что нужно изучать и почему ценностью считается изучение именно этого, а не чего-либо иного.

Ответить на это можно двумя тезисами. *Во-первых*, любая наука имеет перспективы конструктивного формирования только в том случае, если она востребована обществом, служит его интересам, решает актуальные, жизненно важные для общества проблемы (как это должна делать теоретическая лингвистика), обеспечивает его развитие (как это должна делать прикладная лингвистика).

Во-вторых, в противном случае она «замирает». А со смертью ключевого субъекта познания в той или иной науке, в контексте нашей статьи о философии языка, будь то Н.Я. Марр или В.З. Панфилов, она замирает до появления другого, который подхватит эстафету через отрицание предыдущей или превозмогание наличной парадигмы, — того, кто придет, чтобы создать новую философию языка.

Важно осознавать, что наука о языке не может и не должна быть независимой от других наук о человеке, будь то психология народов, история, политология или экономика, т.е. всё то, что относится к надстройке в марксистской модели общества. Только в опоре на них наука о языке и, наоборот, в опоре на науку о языке других гуманитарных и политических наук, возможно решение проблем языкового законодательства многонационального государства, использования языка в государственном строительстве, учета культурного и языкового многообразия при выработке основных принципов российской национально-языковой политики XXI в. С позиций понимания русского языка «как языка государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» в духе Федерального закона от 28.02.2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»».

В данной парадигматике разворачиваются в конце первой четверти XXI в. в Российской Федерации исследования русской речи на близлежащих пространствах российского культурного и лингвистического ареала, в частности на Южном Кавказе [12], во фронтальных государствах и в странах-лимитрофах [25], а также исследования ее образовательной и коммуникативной роли в создании универсальной информационной системы

³² Этим «изобретениям» посвящено авторское исследование: *Базылев В.Н.* Наука о языке XXI века. М.: Флинта: Наука (Изд. 1, 2012; Изд. 4, 2022). *Bazylev, V.N.* Science of the language of the XXI century. Moscow: Flinta: Nauka. (1st ed, 2012; Izd. 4th ed., 2022).

и лексической базы, в обогащении культуры речи народов, говорящих в том числе не на славянских языках.

Подчеркнем, что историю любой науки, в том числе и философии языка, нельзя связывать только с прошлым. История науки поучительна не только в том отношении,

что предостерегает исследователя от ошибок, которые уже были однажды сделаны, и тех подходов к проблемам, которые оказались непродуктивными, — но и в том, что позволяет отметить «точки роста» науки и, следовательно, предвидеть направление ее дальнейшего развития.

Литература

1. Андропов Ю.В. 60 лет СССР. М., 1982.
2. Безлепкина Н.И. Философия языка в России. СПб., 2001.
3. Библиографический указатель литературы по языкознанию, изданной в СССР с 1918 по 1957 год. М., 1958.
4. Бурас М.М. Лингвисты, пришедшие с холода. М., 2022.
5. Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина. М., 1952.
6. Вопросы языка в освещении яфетической теории / сост. В.Б. Аптекарь. Л., 1933.
7. Державин С.Н. Происхождение русского народа: великорусского, украинского, белорусского. М., 1944.
8. Звезгинцев В.А. Что происходило в советской науке о языке // Язык и социальное познание: сб. ст. / сост. В.Н. Переверзев. М., 1990. С. 3–39.
9. Касавин И.Т. Познание в мире традиций. М., 1990.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Ч. 1: 1898–1924. М., 1954.
11. Кривоносов А.Т. Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической относительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании». М.–Нью-Йорк, 2006.
12. Мамедова Р.М. Русская речь в духовной жизни мусульманского общества Южного Кавказа (историко-социологическое исследование) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2023. № 2. С. 105–112. DOI: 10.20339/AM.02-23.105
13. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М., 1999.
14. Мышление и язык / под ред. Д.П. Горского. М., 1957.
15. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
16. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
17. Почепов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 года. М., 1998.
18. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании: сб. ст. / под ред. В.В. Виноградова и Б.А. Серебренникова. М., 1951.
19. Сталин И.В. Относительно марксизма в языкознании. М.: Правда, 1950.
20. Сталин И.В. Организация Российской Федеративной Республики: Беседа с сотрудником газеты «Правда» // Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 66–73.
21. Сталин И.В. Ответ товарищам: товарищу Санжееву // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997.
22. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
23. Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М., 1975.
24. Теркулов В.И. Язык этноса. О принципах определения // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2014. № 4. С. 3–13.
25. Шейранян С.З. Армянская русистика сегодня // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. № 2 (2). С. 3–11. DOI: 10.20339/PhS.02(2)-24.03
26. Эйдельман Н.Я. Сказать все: избранные статьи по русской истории, культуре и литературе XVIII–XX веков. М., 2021.
27. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза (14–25 февраля 1956 года): стенографический отчет. М., 1956.
28. XXIV съезд КПСС (30 марта – 9 апреля 1971 года): стенографический отчет. Т. 2. М., 1971.

References

1. Andropov, Yu.V. 60 years of the USSR. Moscow, 1982.
2. Bezlepkin, N.I. Philosophy of language in Russia. St. Petersburg, 2001.
3. Bibliographic index of literature on linguistics published in the USSR from 1918 to 1957. Moscow, 1958.
4. Buras, M.M. Linguists who came from the cold. Moscow, 2022.
5. Questions of linguistics in the light of the works of I.V. Stalin. Moscow, 1952.
6. Questions of language in the coverage of the Japhetic theory / comp. V.B. Aptekar. Leningrad, 1933.
7. Derzhavin, S.N. The origin of the Russian people: Great Russian, Ukrainian, Belarusian. Moscow, 1944.
8. Zvegincev, V.A. What happened in the Soviet Linguistics. In: *язык и социальное познание*: collection of articles. V.N. Pereverzev (comp.). Moscow, 1990. P. 3–39.
9. Kasavin, I.T. Learning in the world of traditions. Moscow, 1990.
10. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 1898-1954. Part 1: 1898–1924. Moscow, 1954.
11. Krivonosov, A.T. Thinking, language and the collapse of myths about 'linguistic relativity', 'the linguistic picture of the world' and 'Marxist-Leninist linguistics'. Moscow–New York, 2006.
12. Mamedova, R.M. Russian speech in the spiritual life of the Muslim society of the South Caucasus (historical and sociological research). *Alma mater* (*Vestnik vysshey shkoly*). 2023. No. 2. P. 105–112. DOI: 10.20339/AM.02-23.105
13. Merleau-Ponty, M. *Phénoménologie de la perception*. Moscow, 1999.
14. Thinking and language. / ed. by D.P. Gorsky. Moscow, 1957.
15. Panfilov, V.Z. Epistemological aspects of philosophical problems of linguistics. Moscow, 1982.
16. Panfilov, V.Z. Philosophical problems of linguistics. Moscow, 1977.
17. Pochepstov, G.G. The history of Russian semiotics before and after 1917. Moscow, 1998.
18. Against the vulgarization and perversion of Marxism in linguistics / ed. by V.V. Vinogradov & B.A. Serebrennikov. Moscow, 1951.
19. Stalin, I.V. Regarding Marxism in linguistics. Moscow, 1950.
20. Stalin, I.V. Organization of the Russian Federal Republic: A conversation with an employee of the newspaper Pravda. In: Stalin, I.V. *Essays*. Vol. 4. Moscow, 1947. P. 66–73.
21. Stalin, I.V. Reply to comrades: Comrade Sanzheev. In: Stalin, I.V. *Essays*. Vol. 16. Moscow, 1997.
22. Stepanov, Yu.S. Language and method. Towards a modern philosophy of language. Moscow, 1998.
23. Structuralism: pro & contra / ed. by E.Ya. Basin & M. Ya. Polyakov. Moscow, 1975.
24. Terkulov, V.I. The language of the ethnos. On the principles of definition. *Philological sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2014. No. 4. P. 3–13.
25. Sheiranyan, S.Z. Armenian Russian studies today. *Philological sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2024. No. 2 (2). P. 3–11. DOI: 10.20339/PhS.02(2)-24.03
26. Eidelman, N.Ya. To say everything: selected articles on Russian history, culture and literature of the XVIII–XX centuries. Moscow, 2021.
27. XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union (February 14–25, 1956): Verbatim report. Moscow, 1956.
28. XXIV Congress of the CPSU (March 30 – April 9, 1971): Verbatim report. Vol. 2. Moscow, 1971.